

Возможность концептуализации трансгрессивного знания в древнегреческой трагедии

Алимов Егор Евгеньевич

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Москва, Россия

E-mail: ma0m4o1968@gmail.com

Еще со времен Античности философов терзал вопрос о том, почему человек стремится познавать? Такая постановка вопроса претендует на выстраивание связи между знанием и желанием, или между знанием и волей. Знание оказывается соотношенным с субъектом. Значимо, что субъект в данном случае оказывается не только субъектом познания, но и субъектом желания, действия, воли, аффектов. Субъект понимается как агрегат рациональных и иррациональных начал по отношению к знанию.

В исследовании Фуко условно выделяется две линии распределения приоритетов рациональных и иррациональных начал по отношению к знанию: «**линия Аристотеля**» и «**линия античных трагиков**» [1]. Оба подхода упорствуют в соотношении воли к познанию и самого познания, отдавая либо воле, либо познанию привилегию первичности.

Рецепция Аристотеля улавливается в знаменитом суждении, открывающем и даже опоясывающем «Метафизику»: «*Все люди от природы стремятся к знанию. Доказательство тому - влечение к чувственным восприятиям. . .*» [2]. Влечение к знанию обуславливается удовольствием, получаемым от знания на всех его уровнях: от ощущения и до интеллектуального созерцания. **Знание желанно само по себе** - такой предел ставит Аристотель. Овладение знанием вписывается в саму природу знания, поэтому желание человека знать - это момент в энтелехии знания. У Аристотеля воля к знанию подчиняется самому знанию. В тезисе о самоценности знания улавливаются истоки идеалов «науки ради науки», логического позитивизма и иных форм превознесения научной рациональности. В более широкой перспективе этот тезис может пониматься в качестве предтечи философского рационализма.

Мотив самоценности знания прослеживается, в том числе, в «Поэтике» Аристотеля, где одним из сущностных аспектов поэзии оказывается мимесис, то есть «*подражание действию законченному и целому*» [3]. Удовольствие от поэтического произведения во многом обуславливается узнаванием. В каком-то смысле, обеспечивает узнавание именно правдоподобность воспроизведения имеющегося знания.

Фуко замечает, что перипатетическое понимание соотношения воли и знания противоречит теме трансгрессивного, запретного, грозного знания [1]. Такие модусы знания проявляются в античной трагедии - в произведениях Еврипида, Софокла и Эсхила. «*Знание - это не то, к чему стремится трагический герой по своей природе*», - пишет Фуко [1]. Трансгрессивное трагическое знание не является безобидным знанием, обладание которым приносит удовольствие, как у Аристотеля. Побуждение к такому познанию - это всегда вызов, трагедия, травма. Результат поисков такого знания может оказаться опасным и нежеланным. Точный пример трансгрессивного знания изложен в трагедии «Царь Эдип» Софокла. Эдип, узнав о том, что именно он виновен в смерти собственного отца Лая, ослепляет самого себя [4]. Вспоминается также трагедия Еврипида «Ион», в которой незнание родственных связей между Ионом и Креусой сулило опасность убийства [5].

Трансгрессивное знание в античной трагедии предлагает иную оптику рассмотрения соотношения воли к знанию и знания. Рациональное в субъекте оказывается подчиненным

иррациональному с двух сторон - со стороны побуждения и со стороны следствия. Стремление к запретному знанию начинается не из-за «теоретической радости» Аристотеля, а из-за страдания героя от неведения или от стыда, что герой совершил роковую ошибку в прошлом, хотя может этого и не знать. В общем, воля к знанию исходит не от знания самого по себе, а от аффектов. Кроме того, результат такого познания, то есть обладание некоторой правдой, не может рассматриваться как завершающее звено процесса познания, то есть как достижение цели. Обладание такой правдой оказывается чреватым для субъекта, и он аффективно трансформирует себя, вплоть до самоуничтожения.

Феномен трансгрессивного знания позволяет расщепить перипатетический сплав знания и желания знать. Желание оказывается властным над знанием, а не исходит из самоценности знания. Желание же определяет форму знания. В том числе, желание оказывается не только побуждением к знанию, но и его бессознательной целью. Именно благодаря воле знание оказывает эффекты на субъекта, причем эффекты иррационального характера. Рассуждения о трагическом знании близки Ницше, который подходит к рассечению связи познания и истины. У Ницше истина оборачивается иллюзорной позитивностью, продуктом желания властвовать, то есть воли к власти [6].

Источники и литература

- 1) Мишель Фуко – Лекции о воле к знанию. СПб, 2016.
- 2) Аристотель – Метафизика. Собрание сочинений в 4-х томах. Том 1. М.: Мысль, 1976.
- 3) Аристотель – Поэтика. Собрание сочинений в 4-х томах. Том 4. М.: Мысль, 1983
- 4) Софокл – Царь Эдип. Азбука, 2014.
- 5) Еврипид – Ион. URL: <https://arheve.com/read/evripid/ion-1/17627>
- 6) Фридрих Ницше – Воля к власти. Эксмо, 2016.